

Адмирал Колчак: Я завел себе котенка, который... разделяет со мной ночное одиночество

21 ноября в Париже состоялся аукцион, на котором с молотка ушел архив одного из самых противоречивых деятелей российской Гражданской войны адмирала Александра Васильевича Колчака — общепризнанного вождя Белого движения, выдающегося полярного исследователя, видного военачальника Первой мировой войны.

На протяжении века этот архив бережно хранился во Франции, в семье вдовы адмирала Софьи Федоровны Колчак (Омировой) и ее потомков. На аукцион уникальные документы попали после того, как в марте текущего года ушел из жизни внук адмирала Александр Ростиславович Колчак.

Эксперт «Родины» исследовал парижский архив Верховного правителя России.

Раритеты судьбы

На продажу был выставлен 391 лот¹: письма, рукописи, служебные документы, фотографии, книги, личные вещи, принадлежавшие не только самому адмиралу, но и его потомкам и их родным. Немалую часть архива составили материалы другого выдающегося флотоводца, контр-адмирала Александра Развозова — последнего добольшевистского командующего Балтийским флотом. Развозов умер в Петрограде, в тюрьме «Кресты» в 1920-м, а его дочь эмигрировала и впоследствии вышла замуж за сына Колчака.

Уникальные документы можно перечислять долго: здесь и прежде неизвестное детское фото будущего Верховного правителя, и паспорт лейтенанта Колчака, и Евангелие, с которым Колчак не расставался в полярной экспедиции на шхуне «Заря» (а его сын — во Вторую мировую), и послужной список периода Первой мировой, и текст декларации омского правительства, собственноручно написанной Колчаком, и эмигрантская фотолетопись трех поколений семей Колчаков и Развозовых, и, конечно, множество реликвий русского флота.

За многими из этих пожелтевших от времени бумаг, фотоснимков и предметов — человеческие судьбы, драмы и трагедии, успехи и неудачи, а шире — история нашей страны в переломное время. И, конечно, за ними личность необычного человека, ставшего объектом поклонения и ненависти миллионов соотечественников.

◦ 1

Адмирал Александр Васильевич Колчак.

◦ 2

Удостоверение командующего Черноморским флотом. 1917 г.

«Дорогая Соничка...»

Пожалуй, самая ценная часть архива — переписка Александра Васильевича Колчака с супругой Софьей Федоровной Колчак (Омировой) и сыном Ростиславом. Свыше сотни документов. Фактически жизненный отчет, который адмирал давал своим близким, будучи вдали от них в самое тяжелое время Первой мировой и Гражданской. «Дорогая Соничка... Дорогой, милый мой Славушек...»

До сих пор специалисты знали лишь переписку

ску адмирала с Анной Васильевной Тимиревой, не бросившей его даже под арестом в Иркутске в 1920 г.² Теперь открыт совершенно новый пласт документов. В иные периоды Колчак практически одновременно писал любимым женщинам, поддерживавшим его. И даже просил супругу в одном из ранних писем передать привет Анне Васильевне, с которой Софья Федоровна дружила. В каждом письме — беспокойство о сыне, которого отец обожал...

В ответ — и переживания из-за разлуки, и горечь обиды на охладевшего, но все еще люби-

3

4

ходится. Конечно, жду от тебя побольше денег. Лишнего я себе не позволяю».

И в конце — осторожная просьба о воссоединении семьи, хотя бы в Америке, куда уехал Колчак.

Но уже 16 сентября — упрек мужу за невнимание: «От тебя жду писем.

Как никак, худо ли, хорошо [ли] прожили лет 13 вместе. Привычка интересоваться своим мужем осталась... Надо надеяться, что американки еще не успели завладеть остатками твоего сердца, и для жены осталось хотя бы некоторое дружественное чувство».

Другая жемчужина архива — тетради эмигрантских воспоминаний вдовы адмирала. Здесь и осмысление прожитой жизни, и непроходящая боль, и безграничная любовь:

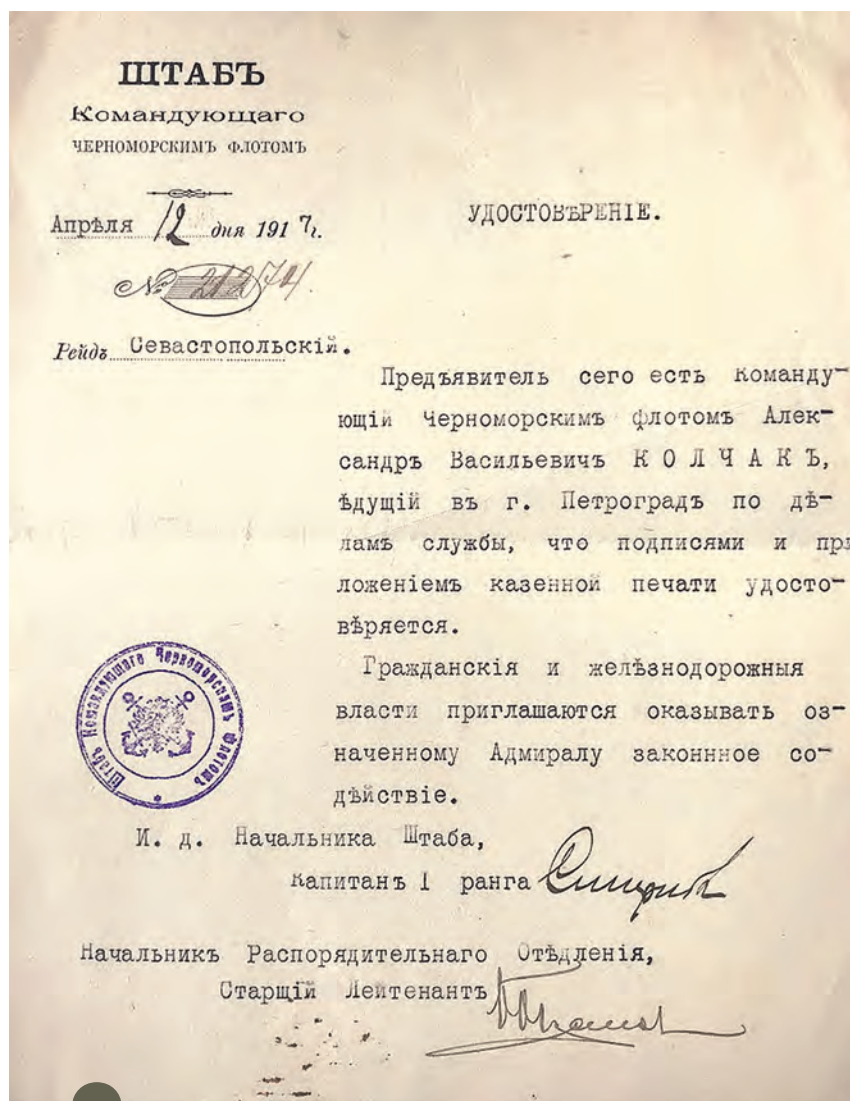
«Все же лучше понимать, чем я, своего бедного, замученного мужа, никто не мог. Мы были люди одного поколения, одного круга, и самая деятельная пора его жизни прошла на моих глазах. Мы шли рука об руку, хотя и не в ногу, т.к. люди мы были разные». Свою книгу Софья Федоровна собиралась назвать «Две жизни», рассказать о муже и о себе. Нашлось на страницах рукописи место и сопернице.

Шла борьба и за наследие Колчака. Среди выставленных на аукцион материалов есть свидетельства о том, как вдова пыталась изъять бумаги адмирала из собиравшегося эмигрантами знаменитого Пражского архива. Анна Васильевна Тимирева впоследствии написала об этом: «Их ей не выдали. И хорошо сделали — в основном это были адресованные мне и неотправленные письма... Ей не надо было их читать»³.

Документы против мифов

Колчака документы архива рисуют разным. Вот перед нами благодарственная телеграмма команды линкора «Свободная Россия», переименованного Колчаком в апреле 1917 г. из «Императрицы Екатерины Великой»: «Весь личный состав дредноута «Свободная Россия» просит дорогого адмирала принять глубокую благодарность за столь быстрое исполнение нашей просьбы о переименовании. Клянемся честью свободных граждан оправдать высокое название».

Верный проводник идеалов Февральской революции идет на поводу у матросов. А рядом — бережно сохраненное адмиралом и, видимо, дорогое ему письмо солдата Петра Кузьмина, возмущенного арестом начальника севастопольского порта: солдат предлагает навести порядок, расстреляв Ленина «и ему подобных».

2

мого человека. «Ты очутился так ужасно далеко... Береги только себя и свое здоровье, ты нужен и Родине, и нам», — писала Софья Федоровна 19 августа 1917 г. В письме от 3 сентября — подробности бытовых злключений: «Мы изрядно бедствовали в Петрограде и были счастливы, когда, наконец, удалось оттуда уехать... вообще в смысле провизии было и очень дорого, и плохо. Приехали в Севастополь и горюем теперь, живя в одной комнате... Для Славы хорошо, что во дворе есть дети, и он все время на воздухе... Жизнь страшно дорого об-

° 3

Софья Федоровна Колчак (Омирова).

° 4

Анна Васильевна Тимирева.

5

6

Противоречивые документы эпохи, своя доля вины Колчака за последовавшую Гражданскую войну...

Архив развенчивает многие устоявшиеся мифы, например конспирологическую версию о том, что Колчак был агентом английской разведки. Корни этой версии в том, что в августе 1917 г. он в составе специальной военной миссии оказался в Лондоне и встречался с представителями британского флота⁴. А позднее перешел на английскую службу. Более ста лет спустя мы узнали из писем супруге, почему Колчак это сделал.

1 декабря 1917 г. он пишет жене из Йокогамы: «До сего дня я не решил еще вопроса о возвращении в Россию, т.к. вступил в переговоры с британским правительством... Если окажется совершенно бесполезным возвращение в Россию, то я постараюсь принять участие в войне на западном фронте». Действовать таким образом подсказывали ему долг перед Родиной и понятие о чести. Об этом Александр Васильевич просил сообщить семилетнему сыну.

В письме от 24 января 1918 г. из Шанхая, по пути на Месопотамский фронт, он сообщил Софье Федоровне, что собирался возвращаться на Родину, но сведения о мирных переговорах большевиков с германцами вынудили переменить решение. Не признавая новую власть в России, он поступил на службу к союзникам, чтобы продолжать войну до конца. Объяснение предельно простое и логичное.

Важнейшее письмо от 15 июня 1919 г. — Колчак кратко объясняет мотивы своих действий за полтора года:

«После отъезда в С.Ш.С.А.⁵ в качестве начальника военно-морской миссии переписка с тобой прервалась, хотя я посылал неодно-

кратно письма, но я не знаю, сколько и какие именно дошли до тебя. В Америке я сделал все, что зависело от меня для участия в войне на стороне союзников, но я убедился, что Америка заняла положение в отношении России, исключающее возможность с нею работать.

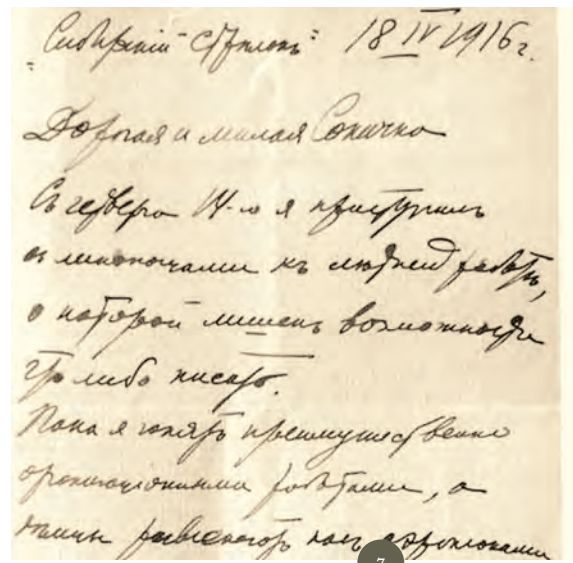
Я решил вернуться в Россию, в армию и продолжить войну с немцами на каких угодно условиях. Это было в октябре 1917 г. Большевицкий переворот произошел во время моего перехода через Тихий океан, и о нем я узнал только прийдя в Японию в ноябре. Мне осталось сделать то, что я сделал: поступить на великобританскую службу и попытаться проникнуть с английскими войсками на Юг России. Об этом я писал тебе достаточно подробно и полагаю, что ты знаешь мотив и обстановку, определившие мое решение.

Но выполнить это мне не удалось. Я доехал до Сингапура, откуда английское пра-

5
12-летний
Саша Колчак.

6
Декларация правительства Колчака и другие документы. 1919 г.

7
Одно из писем супруге. 1916 г.

7

вительство вернуло меня в Пекин и даже в Маньчжурию для работы по организации вооруженной силы для борьбы с большевизмом. В апреле 1918 г. я начал эту работу.

Но мне пришлось столкнуться с крайне сложной международной обстановкой Дальнего Востока, которая привела меня к конфликту с японским Генеральным штабом. Мне пришлось поехать в Японию, причем я очень серьезно заболел... Почти месяц я мог спать только при помощи наркотических средств, но в конце концов я оправился и решил уехать через Сибирь к генералу Алексееву».

Речь шла об отъезде к белым на Юг России. Но сложилось иначе — в Омске Колчак узнал о смерти генерала М.В. Алексеева и остался в Сибири, предопределив свою судьбу.

«Жестокая борьба, в которой не берут в плен...»

Впервые обнародованные архивные документы помогут историкам отчетливее понять мотивацию и настроения «правителя омского» в самое драматичное для него время. Препятствия жизни Колчака до весны 1918 г. подробнейшим образом отражена в письмах Анне Васильевне Тимиревой. В Гражданскую войну они были вместе и, естественно, не переписывались. Но, как оказалось, адмирал продолжал писать супруге во Францию. В каждом письме глубокая боль за страну и ее будущее.

Письмо от 15 июня 1919 г. Колчак рассказывает, почему захватил власть в Омске в ноябре 1918 г.: «Директория... была повторением керенщины на эсеровской подкладке.

Я вступил в Сибирское правительство... но с первых же дней убедился в полной не состоятельности Директории».

Сам переворот Колчак описал буквально парой фраз: «В одну ночь Директория была изъята из обращения».

Держался ли он за власть, в чем его порой сейчас упрекают? Нет — теперь это можно сказать твердо:

«Моя задача в общем проста: это беспощадная борьба с большевизмом с конечной целью его уничтожить. Только при этом условии возможно будет говорить о правильном государственном устройстве и организации власти.

Я мыслю это через созыв Национального Учредительного собрания...

Я не претендую на устройство будущих судеб моей Родины. Я, прежде всего, солдат и занимаюсь государственными делами постольку, поскольку они необходимы... Лично я хотел бы только заниматься военным делом, но это, конечно, невозможно».

И, может быть, самые выстраданные размышления белого адмирала — об ожесточении Гражданской войны:

8

«Идет самая свирепая и жестокая борьба, в которой не берут в плен, а если берут, то только для того, чтобы создать положение для пленного хуже смерти... Люди разложились нравственно».

При этом Колчак не скрывал фанатичного, непримиримого отношения к противнику и даже гордился этим. Письмо от 16 сентября 1919 г.: «Все пройдет, и проклятое пятно большевизма будет стерто как грязь с лица русской земли — я все-таки положил хорошее для этого основание, и десятки тысяч предателей уже не воскреснут».

Он отчетливо понимает, что этот крест нести — до конца. Письмо от 22 июля 1919 г.:

«Я переживаю очень трудный период. Большевицкие армии потеснили мои силы с Урала и как всегда в такое время все трудности управления возрастают и неудачи следуют за неудачами. Два месяца почти как я сплю 4–5 часов, а то и меньше и иногда сам удивляюсь, как справляюсь с той невероятной работой, которую я принял на себя. Но власть есть самый тяжкий труд, и только тот, кто ее имеет, знает, что это такое.

Мы ведем... 9-й месяц невероятную борьбу среди самой тяжелой обстановки, где каждый день не знаешь, что случится завтра.

Тяжел крест, принятый мною, и только во имя Родины можно нести его.

Ужасна среда, в которой приходится работать — невероятный нравственный раскол — следствие революции...

Мне трудно писать о себе — я совершенно не думаю ни о чем, кроме дела, и у меня нет теперь ничего вне области сложной государственности работы, в которой я несу главную роль и ответственность».

° 8

А.В. Колчак обходит строй солдат. 1919 г.

Ночное одиночество

Колчак просил супругу не играть в Париже никакой фальшивой роли в качестве жены Верховного правителя: «Помни, что никто не знает, что случится через несколько дней». При этом он всерьез беспокоился за безопасность родных: «Я считаю, что пребывание моей семьи за границей является небезопасным до окончания моей задачи сломить большевизм», — телеграфировал адмирал в Париж в апреле 1919 г., прося посла В.А. Маклакова о содействии.

Далекая от забот мужа, Софья Федоровна воображала себе его омскую жизнь в виде череды светских приемов, на что адмирал отвечал ей: «Я живу в одной комнате, и не делаю никаких приемов, а пишешь о какой-то светской жизни и спрашиваешь, надо ли сделать прием. Наша Родина разорена и нищая, я не имею много денег, и мое положение, и мое жалованье на иностранные деньги составляет 8000 франков в месяц, на которые я живу с 8-ю офицерами».

Иногда он отсылал в Париж короткие телеграммы через министра иностранных дел. В этих случаях подписывался официально — адмирал Колчак.

В письме от 16 сентября 1919 г. просил у супруги прощения за то, что редко пишет:

«Не сердись на меня за мое молчание.

Я не могу физически писать в период испытаний, неудач и забот, которые легли на меня тяжестью, о которой никто не может иметь представления, не испытав ее лично.

У меня нет личной жизни — я удивляюсь сам своему безразличию ко всему, что не связано с борьбой, с войной за восстановление Родины нашей.

Все остальное далеко от меня, и как-то пустота в отношении себя и всех близких и окружающих меня людей делает меня, вероятно, очень тяжелым и неприятным. Но жребий брошен — я буду вести борьбу

°9

Вдова Колчака с сыном и внуком.

до конца, шагая через все и не останавливаясь ни перед чем».

Он был Верховным правителем России, под властью которого находилась большая часть страны, но при этом оставался бесконечно одиноким печальным человеком в своем просторном особняке на берегу Иртыша. 20 октября 1919 г. в одном из последних писем он поделился с супругой: «Часто мне приходится работать одному по ночам в своем кабинете, и я завел себе котенка, который привык спать на моем письменном столе и разделяет со мной ночное одиночество».

«Милый дорогой мой Славушек...»

Почти до самого конца Колчак наивно верил в свою победу. 25 июня 1919 г., когда боевое счастье уже изменило адмиралу, он написал 9-летнему сыну: «Милый дорогой мой Славушек... Я веду теперь войну с большевиками и надеюсь ее окончить к зиме, когда буду иметь возможность повидать тебя и маму.

Посылаю тебе фотографии мои... Твой любящий тебя папа».

Увидеть сына и супругу адмиралу уже не пришлось. 7 февраля 1920 г. он был расстрелян в Иркутске.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Архив вернулся в Россию!

Подавляющая часть лотов парижского аукциона была выкуплена на средства меценатов для Дома русского зарубежья им. А. Солженицына и Государственного архива Российской Федерации. Некоторое количество документов будет находиться в российских частных собраниях.

В 2020 году, к 100-летию гибели адмирала, Дом русского зарубежья планирует организовать выставку приобретенного архива совместно с государственными и частными архивами, участвовавшими в аукционе.

¹ Manuscrits d'Alexandre Koltchak. Paris, 2019. К сожалению, в каталоге аукциона многие документы расшифрованы с неточностями. Все цитаты этой статьи выверены нами по оригиналам. Электронные образы документов доступны на сайте: <http://neret-tessier.com>.

² Подробнее см.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна». М., 1996; Милая химера в адмиральской

форме. Письма А.В. Тимиревой А.В. Колчаку (18 июля 1916 г. — 17-18 мая 1917 г.). СПб., 2002; Волшебный сад души. История последней любви А.В. Колчака. Перепи-ска А.В. Колчака и А.В. Тимиревой (1916-1919). М., 2007.

³ Волшебный сад души. С. 383.

⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна». С. 208.

⁵ Соединенные Штаты Северной Америки.